

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Философский факультет
Кафедра истории философии и логики

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

Д-р филос. наук, профессор

_____ В.Н. Сыров

« ____ » _____ 20 __ г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ОСНОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА:
РЕЦЕПЦИИ И КРИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров

направление подготовки 47.03.01 – Философия

Цидзеновский Александр Сергеевич

Руководитель ВКР

Кандидат филос. наук, доцент

_____ Ю. Н. Кириленко

« ____ » _____ 2019г.

Автор работы

Студент группы №1251

_____ А.С. Цидзеновский

Министерство образования и науки Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)

Философский факультет

Кафедра истории философии и логики

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой, проф.

_____ В.А. Суровцев

«1» марта 2019г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке выпускной квалификационной работы по направлению 470301-философия

бакалавру Цидзеневскому Александру Сергеевичу студенту группы № 12501

1. Тема работы - «Основания практической философии Иммануила Канта: рецепции и критика в современной философии»

2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:

а) на кафедре 14.06.2019

б) в ГАК 20.06.2019

3. Исходные данные к работе:

Цель и задачи исследования: Цель: реконструкция кантовских оснований практической философии, исходя из анализа трудов И. Канта, в которых разрабатывалась данная тематика, а также исследование современных рецепций и критики указанных оснований.

Задачи: а) для понимания того, как представлены основания практической философии Канта и какое место в системе у самого Канта они занимают, рассматривается «путь» или предпосылки к репрезентации оснований;

б) также, в рамках указанного исследования, рассматривается обоснование, или дедукция, как выражается Кант, указанных выше оснований, путь к формулированию и разработке Кантом оснований практической философии, для этого рассматриваются и анализируются некоторые произведения так называемого «критического периода» исследований Канта;

в) исследуются оснований практической философии, касающихся «Права», в труде «Метафизика нравственности» и выявляется ряд особенностей, характерных для данной отрасли практической философии Канта;

г) исследуется возможность рецепции кантовских идей на основании работы Джона Ролза «Теория справедливости»;

д) подвергается оценке ряд критических исследований в современной философии, посвященных основаниям этики и права Канта.

Методы исследования: а) компаративный анализ – необходим для оценки тенденций в критике и рецепциях, путём обобщения результатов их исследования;

б) интерпретирующий анализ - применяемые для анализа кантовских работ и работ, посвященных критике и рецепции;

в) контекстуальный анализ – применяется для анализа понятий и концептов, характерных для рассматриваемых в данной работе теорий.

Степень достоверности результатов проведённых исследований.

Полученные в ходе исследования научные результаты представляются достоверными. Достоверность результатов определяется привлечением обширного теоретического материала.

4.Краткое содержание работы:

Глава 1 Основания практической философии в трудах Иммануила Канта. 01.09.2018 – 15.12.2018

1.1 Предварительное замечание. 01.09.2018 – 15.09.2018

1.2 Путь к основаниям практической философии Канта в «Критике чистого разума». 15.09.2018 – 30.09.2018

1.3 Идея свободы в «Критике чистого разума» 30.09.2018 – 15.10.2018

1.4 Основания практической философии в «Критике практического разума». 15.10.2018 – 30.11.2018

1.5 Основания практической философии в «Метафизике нравственности». 30.11.2018 – 15.12.2018

Глава 2 Рецепции и критика оснований системы практической философии Канта. 01.02.2019 – 10.05.2019

2.1 Предварительное замечание. 01.02.2019 – 01.03.2019

2.2 Рецепция Джона Ролза идей практической философии Иммануила Канта. 01.03.2019 – 15.03.2019

2.3 «Призрачное здание истинной морали Канта». 15.03.2019 – 20.03.2019

2.4 Критика оснований практической философии Канта в философии права. 20.03.2019 – 10.05.2019

Ожидаемые результаты: а) анализ оснований «практической философии» Канта;

5. Предприятие, организация по заданию которого выполняется работа - НИ ТГУ, Философский факультет, направление «Философия», кафедра «Истории философии и логики».

7. Дата выдачи задания

Руководитель ВКР

должность, место работы

подпись

Кириленко Ю.Н.
инициалы, фамилия

Задание принял к исполнению

дата, подпись студента

Кафедра истории философии и логики

Зав. каф. проф. _____ В.А. Суровцев

Оглавление

Введение	6
Глава 1 Основания практической философии в трудах Иммануила Канта.	10
1.1 Путь к основаниям практической философии Канта в «Критике чистого разума».	10
1.2 Идея свободы в «Критике чистого разума»	14
1.3 Основания практической философии в «Критике практического разума»	16
1.4 Основания практической философии в «Метафизике нравственности».	22
Глава 2 Рецепции и критика оснований системы практической философии Канта.	28
2.1 Рецепции Джона Ролза идей практической философии Иммануила Канта.	29
2.2 Критика оснований этики И. Канта	34
2.3 Критика оснований практической философии Канта в философии права.	37
Заключение	41
Список использованных источников и литературы	43

Введение

Актуальность исследования

Более двухсот лет назад, немецким философом Иммануилом Кантом были написаны его знаменитые «три критики» - «Критика чистого разума»¹, «Критика практического разума»², «Критика способности суждения»³. Также им были созданы иные не менее фундаментальные и значительные произведения: «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может возникнуть как наука»⁴, «Метафизика нравственности»⁵. В данных трудах, им разрабатывалась философская система, одними из главных целей которой были: а) попытка формализации познавательной деятельности нашего разума; б) поиск и дедукция оснований для всех дисциплин, которые заключают в себе как раз-таки результаты познавательной деятельности разума. Один из таких поисков оснований был связан с выявлением фундаментальных положений на которых строится этика и право, которые объединяются Кантом «практическую философию».

И несмотря на то, что этот «проект» трансцендентальной философии (именно так Кантом именовалась его система), был осуществлен как было указано, в XVIII веке, многими мыслителями осуществляется попытка пересмотра, критики оснований практической философии. Специфический характер системности кантовской философии, иногда не учитывается критиками Канта или теми, кто пытается заимствовать идеи Канта. Это важно, поскольку, системность предполагает, что ответ на то, почему стоит или не стоит заимствовать то или иное понятие, следует основывать на том, как и где Кантом вводится то или иное понятие и почему это было необходимо. Стоит здесь указать, что под основаниями практической философии в данном исследовании будут пониматься фундаментальные и центральные понятия, которыми апеллирует Иммануил Кант, выстраивая свою систему трансцендентальной практической философии. С данными основаниями связаны решаемые Кантом философские проблемы, а также критика и рецепция их уже в современной философии.

¹ См.: Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с.

² См.: Кант И. Критика практического разума // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 373-479;

³ См.: Кант И. Критика способности суждения / Пер. М. И. Левиной // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. – Т. 5. М.: Чоро, 1994. – 414 с.

⁴ См.: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 5 – 153;

⁵ См.: Кант И. Метафизика нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.6. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 224-556

Цели исследования

Таким образом целью данного исследования, будут главным образом реконструкция кантовских оснований практической философии, исходя из анализа трудов И. Канта, в которых разрабатывалась данная тематика, а также исследование современных рецепций и критики указанных оснований.

Задачи исследования

Для осуществления указанных целей, в данном исследовании решаются следующие задачи:

- а) для выявления того, как представлены основания практической философии Канта и какое место в системе у самого Канта они занимают, рассматривается «путь» или предпосылки к репрезентации оснований;
- б) также, в рамках указанного исследования, выявляется обоснование, или дедукция, как выражается Кант, указанных выше оснований, путь к формулированию и разработке Кантом оснований практической философии, для этого рассматриваются и анализируются некоторые произведения так называемого «критического периода» исследований Канта;
- в) исследуются оснований практической философии, касающихся «Права», в труде «Метафизика нравственности» и выявляется ряд особенностей, характерных для данной отрасли практической философии Канта;
- г) исследуется возможность рецепции кантовских идей на основании работы Джона Ролза «Теория справедливости»;
- д) подвергается оценке ряд критических исследований в современной философии, посвященных основаниям этики и права Канта;

Степень разработанности темы исследования

Основания «практической философии» Канта вызывают вопросы у исследователей начиная практически с публикации «Критики чистого разума». Основания практической философии критиковались Г.В.Ф. Гегелем, главным образом за её излишнюю формальность⁶. Также вызвали затруднение понимания оснований ряд неоднозначных тезисов Канта.

⁶ См.: Васильев В.В. Неуловимая свобода: Проблема оснований этической системы Канта // Философская этика и нравственное богословие. — издательство фонда "Христианская мысль", 2003. — С. 170.

Например, тезис о том, что мы якобы «знаем нашу собственную свободу»⁷ (свобода – это одно из оснований кантовской практической философии). Также стоит упомянуть, что в современной философии, преимущественно, в англо-американской традиции, интерес к проблематике кантовской философии обуславливается тем, что многие крупнейшие современные философы и правоведы такие, как П. Чичовачки⁸, Дж. Роулз⁹, О. Хёффе¹⁰, зачастую ссылаются в своих исследованиях на работы Канта, порой, как в случае с Роулзом, напрямую обозначая колоссальное влияние его идей на собственные философские построения. В российской философии, проблемой критики и рецепций кантовской философии занимались Э.Ю Соловьёв и Аронсон Д.О в своих монографиях.

Объект и предмет исследования

В свете указанной темы, объектом исследования является основания практической философии, описанные в трудах Иммануила Канта, начиная с «Критики чистого разума» и заканчивая «Метафизикой нравственности», в которых указанная ранее проблематика затрагивалась наиболее подробно. В качестве предмета исследования выступают критика и рецепции оснований практической философии Канта, а также её соответствие с кантовскими идеями и возможность критики и рецепции как таковых.

Методы исследования

К использованным методам в данном исследовании, относятся

- а) компаративный анализ – необходим для сравнения тенденций в критике и рецепциях, путём обобщения результатов их исследования;
- б) интерпретирующий анализ - применяемые для анализа кантовских работ и работ, посвященных критике и рецепции;
- в) контекстуальный анализ – применяется для анализа понятий и концептов, характерных для рассматриваемых в данной работе теорий

Теоретическая и практическая значимость исследования

⁷ См.: Там же: С. 170

⁸ См.: Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. Вып. №7. – М., 2006. – с. 127-147

⁹ См.: Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – 536 с.;

¹⁰ См.: Otfried H. Categorical principles of law : a counterpoint to modernity / H.Otfried. – translated by M.Miggoty. The Pennsylvania State University Press, 2002. pp.311

Поскольку, как было заявлено, похожего исследования, оценивающего релевантность и возможность критики и рецепций кантовских идей практической философии, нет в отечественной философии, то данное исследование представляет научный интерес и вероятно создаст новое «пространство» для дискуссии в современной этике и философии права, в кантоведении. В качестве Практической значимости данного исследования выступает то, что его выводы могут быть использованы для оценки попыток рецепций и критики кантовской философии. Также результаты данной работы могут служить основанием для компаративных и историко-философских исследований в области этики и философии права.

В области образования результаты работы могут быть использованы при разработке и чтении общих и специальных курсов по этике и философии права.

Апробация диссертационного исследования.

Основные положения и выводы, полученные в ходе работы над исследованием, обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Международная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук» (Томск, 2018), Всероссийская научная конференция молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 2018).

Объем и структура работы.

Структура исследования определяется его целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы, включающего 28 наименования (в том числе 2 на иностранных языках). Общий объем исследования – 43 страницы.

Глава 1 Основания практической философии в трудах Иммануила Канта.

Предварительное замечание.

На наш взгляд, прежде чем приступать к разбору проблем, чей характер и суть суммирована в названии данной работы, стоит остановиться подробнее на той терминологии, что задействована при обозначении темы. Иммануилом Кантом, философом, чьим изысканиям и посвящен по большей части данный труд, обращаясь к интересующим его проблемам в философии, создал свой специфический терминологический базис, отдельные элементы которого необходимо прояснять, дабы избежать неясности и абсурдности в выводах.

Первое что стоит прояснить, это термин «практическая философия». Практическая философия – это раздел философии, по Канту, занимающийся исследованием морали и права, а также их базовых принципов, то есть буквально, то на чём выстраивается мораль и права.¹¹ Соответственно, основания практической философии Канта в данном исследовании – это те концепты, понятия, которые можно выделить как базовые в работах Канта, по практической философии. Таким образом, необходимо рассмотреть эти работы, дабы дать исчерпывающее представление об основаниях.

1.1 Путь к основаниям практической философии Канта в «Критике чистого разума».

В 1781 году И. Кантом была опубликована «Критика чистого разума» (произведение, отношение которого к рассматриваемым здесь проблемам будет прояснено далее).

Дело в том, что во втором введении к «Критике чистого разума», Кантом указывается разделение его философии на теоретическую и практическую философии, на основании той деятельности, которую осуществляет наш разум.¹² Кантом в «Критике чистого разума», также была приведена своего рода, «структура» разума. Данная структура, выражала собой формальное описание того, как функционирует наш разум. И в следствии такого описания были выделены базовые принципы, основоположения на которых и выстраивается разум. Именно основываясь на структуре разума, Кантом и было предложено разделение, исходя из того, какие дисциплины исследуют ту или иную область познавательной активности разума.

Здесь стоит указать также на то, что теоретический разум связан с познавательной активностью, где познающий разум обращен к чувственным данным и подчинен законам природы. Практический разум же связан с этикой и правом и соответствующими принципами. Если, как было сказано, теоретический разум подчинен законам природы и главной его чертой

¹¹ См.: Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – с. 19

¹² См.: Там же – с. 19

является опора на «опыт» и основанное на чувственных данных, таким образом, по Канту, наиболее достоверное знание, то практический разум в своей деятельности руководствуется идеей свободы, а в поступках различными предписаниями, такими как максимы и императивы.

Также стоит добавить, что вся философия Канта как практическая, так и теоретическая, является трансцендентальной философией¹³, то есть предметом исследования которой должны быть, своего рода, основополагающие принципы, структуры, лежащие в «недрах» деятельности нашего разума. То есть, как следствие из выше сказанного, теоретическая трансцендентальная философия занимается принципами познающего из опыта разума, практическая трансцендентальная философия же занимается основанием того, чем мы руководствуемся, когда следуем правовым законам, моральным предписаниям, религиозным догматам.

Упомянутая ранее «Критика чистого разума» была посвящена как раз-таки основаниям познающего разума или, знаменитым ответам на вопросы: «Как возможна чистая математика?», «Как возможна чистая физика?», «Как возможна метафизика?», направляющих по сути все исследование в рамках этого труда.¹⁴ Одна из наиболее примечательных и важных для нас будет в данной работе та её часть, где дается ответ на крайний вопрос, который имеет также другую формулировку – «Как возможны синтетические суждения априори?». Здесь присутствуют, как не трудно заметить такие понятия как «синтетический» и «априори». Собственно говоря, что они значат?

Синтетическим по Канту является такое отношение между субъектом и предикатом, где предикат, приписываемый субъекту, находится вне понятия этого субъекта и этот вид суждений противопоставляется аналитическим, где предикат находится в субъекте. Аналитические суждения, поскольку их предикат уже мыслится в субъекте, ничего не прибавляют в познании.¹⁵ Синтетические, напротив, имеющие предикат во вне, являются формальным выражением нового знания.¹⁶ Так, в качестве примера аналитического суждения, будет, по Канту, «Все тела протяжены», поскольку в данном случае незачем выходить за пределы понятия «тела», чтобы помыслить его протяженность. Примером же синтетического будет «Все тела осязаемы» так, как здесь мы выходим за пределы понятия «тела».¹⁷

Обозначив различие между синтетическим и аналитическим, стоит перейти к следующим затронутым концептам, а именно к *a priori* и *a posteriori*. Априорным по Канту

¹³ См.: Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: издательство «Э», 2016. – 736 с. – (Антология мысли).; с. 56

¹⁴ См.: Там же – с. 53

¹⁵ См.: Там же – с. 47

¹⁶ См.: Там же – с. 47

¹⁷ См.: Там же –с 47

является всякое знание, которое мы привносим как познающие субъекты в акте познания. Это знание не имеет источника в чувственном опыте, не подтверждается эмпирически, но оно делает возможным эмпирическое как таковое и «оформляет» наш чувственный опыт, является, если угодно, «пред посылочным знанием».

И поскольку, Кантом в «Критике чистого разума» исследуется тематика познания, его достоверности, то рассмотрение метафизических вопросов для Канта переформулируется в вопрос о существовании синтетических суждений априори, то есть в вопрос о релевантности приобретенного вне опыта знания и об основаниях всякого нашего знания. Также примечательно, что в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике...» он отмечает что критика посвящена была преимущественно исследованию опыта, то есть, как было отмечено ранее, главным образом синтетическим суждениям, привносимыми нами в опыте познания.

Это представляется наиболее важным для нас, когда мы обратимся к таким концепциям Канта, как эмпирическая и трансцендентальная свобода. Как раз-таки, эмпирическая свобода, или по словам Канта практическая свобода, может быть доказана на опыте, то есть апостериори. Кант поясняя это, говорит о том, что людям свойственно поступать согласно не природным принципам, а совсем иного рода мотивациям. Поступки согласно выгоде, долгосрочной перспективе, социальному положению, - всё это суть то, что относится к практическому применению разума, не теоретическому. Такая свобода, по мысли Канта, означает то, что воля способна определять саму себя, игнорируя или подавляя «животные» порывы, чувственные, обусловленные физиологией человека. Нетрудно заметить, что, говоря об эмпирической свободе, Кант говорит о таком понимании свободы, которые нам стоит понимать, как обыденное, то есть такое понимание, с которым связывается использование понятия свободы в повседневности. Но, любопытно то, что им также выделяется и трансцендентальная свобода, как о трансцендентальной идее разума, которая во введение называется им метафизической и приводятся в купе с другими идеями - Бога и бессмертия души. Но к этому мы обратимся позднее.

Возвращаясь к синтетическим суждениям и аналитическим суждениям, также необходимо отметить еще одну особенность, несомненно важную для понимания того, какое место занимают синтетические суждения априори в системе И. Канта. Это конечно же, своего рода, «разделение» познающего разума на чувственность, рассудок и разум. И на данном этапе может возникнуть вопрос, касательно этого специфического «деления» разума. Ведь может показаться очевидным, что непосредственно мы имеем дело всё-таки с целостным разумом, вернее вряд ли мы могли бы представить возможность такого состояния, когда нам доступна одна лишь из его «способностей». Не создает ли Кант таким образом, если так можно выразиться, «псевдопроблему», осуществляя попытку поиска основания для синтетических

суждений априори через не необходимое разделение разума на его способности, коих мы не можем испытать на опыте и, как следствие с уверенностью говорить о легитимности этого разделения?

Прежде чем ответить на этот вопрос, от которого напрямую зависит наше исследование об основаниях, стоит вероятно поискать ответ в структуре этого разделения и посмотреть, как Кантом соотносятся его собственные рассуждения о структуре разума с тем, что собственно этим разумом познается. И насколько это разделение является «строгим».

Стоит сказать, что указанное членение разума у Канта сугубо формальное. И вот почему. Дело в том, что в самом начале «Критики чистого разума», после предисловия если быть точнее, Кантом приводится анализ «чувственной способности» или «чувственности». На уровне «чувственности», «разум», в процессе познания «сущего» (так называемой, реальности, предметов, объектов и т.д.) воспринимает его как множество созерцаний, становящихся доступными ему в виде явлений. Предметы познаются, по Канту, не такими какие они есть, поскольку воспринимаемое чувственностью, уже предстает как «оформленное». Иными словами, в него включены априорные формы чувственности, которые являются элементами структуры нашего разума. Априорные формы чувственности Кант обозначает как «пространство» и «время», то есть представления о предмете как имеющего определенное положение и момент.

Но проблема в том, что чувственной способности недостаточно для познания. Стоит сказать, что, хотя чувственность выступает как коррелят «достоверности» знания, она не дает нам знания как такового. Чувственные данные представляют собой некоторую беспорядочную массу созерцаний, которая в силу своей беспорядочности, не может быть законченным знанием. Ему необходимо некоторое единство, дабы обрести законченность, которая не может быть имманентной (присущей) чувственности, находящейся «внутри» нее.

И поскольку, как было указано, на уровне чувственности мы имеем лишь несчетное множество случайных созерцаний, перцепций, что бы появилось некоторое знание, необходимо нечто в сознании приводящее это многообразие к некому общему, к понятиям и суждениям, опирающимся на эти понятия. И Кант находит это обобщающее единство в синтезе посредством способности воображения, которая есть способность представлять предмет даже без его присутствия в созерцании. Это есть ничто иное, как схватывание ряда представлений с последующим их синтезом. Сам «синтез», как процесс при этом не представляет собой «окончательно сформированного знания».

Окончательно сформированным, он становится, когда, далее, по Канту, с синтезом начинает «работать» рассудок. Рассудок представляет собой «способность мыслить», «способность составлять суждения». Эта функция выражается в подведении посредством

способности воображения синтеза ряда созерцаний к априорным формам рассудка. То есть, синтез ряда представлений, тоже «оформляется» посредством этих априорных форм рассудка или категорий. В результате мы посредством суждений можем выразить некое знание, основанное на данных чувственности как коррелят достоверности.

Обобщая выше сказанное, как отмечает сам Кант, фактически все его рассуждения в «Критике чистого разума», точнее в той части ее, где идет речь о чувственности и рассудке, им решается проблема, поставленная еще Юмом, а именно проблема причинно-следственных связей и опыта как такового. Как указывает Васильев В.В., Юм «пробудил Канта из догматического сна», актуализацией проблемы причинности в опыте, которая Кантом ранее, до Критики не затрагивалась.¹⁸ Если верить Канту, наш разум способен некоторым образом «возвыситься» над опытом посредством суждений, к этому опыту же не отсылающих. Это значит, что зачастую мы пытаемся представить себе своего рода полный «ряд», целокупность как нам кажется всего, что нам явлено в опыте, в чем-то объединяющем, но отринувшем чувственность как достоверность и работая исключительно с абстракциями.

Это обобщение происходит посредством «движения разума» от категорий рассудка к идеям разума. Идеи разума, суть продукт чистого применения разума, то есть, разума в том его проявлении, где мы отвлекаемся от сферы возможного опыта, от многообразия эмпирических данных и пытаемся рассуждать в области абстракции. Все возможные рассуждения данного рода, могут быть сведены к 3-ём идеям разума – мира в целом, души и Бога. Из идеи мира в целом Кантом выводится идея свободы, как раз-таки непосредственно то, на что стоит обратить внимание и позже будет показано почему.

Таким образом, высказанное ранее «опасение» по поводу того, что Кантом якобы формируется псевдопроблема, неоправданно в силу того, что разделение разума Кантом отсылает к тому, что разум сам по себе не является разделенным. Его разделение сугубо формальное, и используется Кантом для того, чтобы показать корреляцию между способностями познающего разума, которые мы можем обнаружить, с тем, какие аспекты сущего (того что есть) разум познаёт.

1.2 Идея свободы в «Критике чистого разума»

Важную особенность кантовской идеи «свободы» как атрибута или части структуры мышления ставит во внимание Ханна Арендт в своих «Лекциях по политической философии

¹⁸ См.: Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. - С. 28

Канта».¹⁹ Ею указывается на особое присутствие у Канта свободы как не некой абстрактной концепции, громко заявляющей о своей необходимости при функционировании законов и на деле не имеющей особого значения, так как легко ставится под сомнение, дискредитируется обыденным опытом, а как неотъемлемой части нашего мышления, являющейся тем основанием для всякого нашего взаимодействия в социуме. Из этого можно сделать вывод, что всякое действие, противоречащее положению, основанному на свободе индивида, противоречит самой природе человека²⁰. То есть Арндт, хотя и не совсем точно воспроизвела то, что Кант имел ввиду под «свободой», уловила здесь всё-таки один из важных мотивов высказанным Кантом, преследуя который, он задумывал свою практическую философию – выявить основания морали и права непротиворечащие как таковой «природе» человека.

К идее «свободы», «разум» приходит в результате движения от категорий «в стремлении к абсолютизации» к собственно трансцендентальной идее «мира в целом» как законченного ряда всех условий, при возникновении собственно антиномий разума – вида «умствующих» заключений. Для перехода к идее, как отмечает Кант, «подходят не все категории», а «только те, что образуют ряд», то есть ряд некоторых представлений, которые посредством установления причинности и поиска абсолютной причины и приводят нас к рассуждениям о свободе как принципе.

Идея свободы возникает в рамках приведенной Кантом антиномии о причинности в мире. «Задается ли каузальность исключительно законами природы или имеется также каузальность иного рода?» - в этом, как нам кажется, выражается суть вопроса, связанного с антиномией. Кантом указывается в рамках рассмотрения данной антиномии, возможность выделить идею свободы, как:

- а) нечто противоположное природному миру;
- б) как причинность, характер которой создает видимость возможной законченности ряда, но на деле она суть спонтанность;
- в) невозможно доказать на опыте, основанном на законах природы наличие или не наличие конкретного проявления свободы, она существует лишь как идея разума.

То есть, если суммировать все вышесказанное, можно сказать что Кантом, благодаря акцентированию внимания на идее «свободы», как основания для морали и права, выделяется область «действия» человеческого разума, где не существует детерминированности по законам природы. И, следовательно, поскольку данная область не направлена на следование законам природы и поиску «достоверных» фактов об «окружающей реальности», то она не

¹⁹ См.: Арндт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арндт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»);

²⁰ См.: Арндт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арндт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»); - с. 37

относится к познавательной активности человека. Это значит, что все проявления разума, связанные с этой областью природы не подчинены, и зависят лишь от разумной ноуменальной – (противоположной феноменальной, то есть, если угодно «вырванной из сферы возможного опыта, сферы законов природы) сущности человека, одним из выражений которой является его свобода.

Завершая рассмотрение «свободы в «Критике чистого разума», я хотел бы обратить внимание на любопытный момент из «Критики чистого разума», где Кант говорит о соотношении морали и законов природы. Как ни странно, этот отрывок находится во введении, где Кант утверждает, что, можно допустить возможность помыслить (эмпирическую) свободу, если рассматривать «вещи» в предложенном Кантом «двойном смысле» - как предмет теоретической философии и как практической. Кант здесь как раз хочет сказать, что свобода конечно является трансцендентальной идеей разума, которая «сама по себе» не может каким-либо образом выводиться из опыта. Но тем не менее, поскольку такая вещь, имеет возможность быть рассмотренной с точки зрения законов природы и с точки зрения постулатов «чистого разума», за неким лицом остаётся возможность высказываться о свободе некой вещи (объекта) или подчиненности этой вещи законам природы. Не порождая при этом, само собой, как бы две разные вещи – объект теоретической философии и практической. Это возможно, так как вещь или объект, остаётся вещью в себе, которую наш разум рассматривает с этих двух позиций – теоретической и практической. Это запутанный на первый взгляд момент будет в дальнейшем прояснён и использован при анализе Кантовской практической философии.

1.3 Основания практической философии в «Критике практического разума».

Не только идея «свободы» как правило, составляет предмет интереса того, кто обращается к исследованию практической философии Канта. Безусловно, хотя на наш взгляд именно идея свободы заслуживает наиболее досконального анализа и рассмотрения, но стоит и уделить внимание другим аспектам практической философии. И поскольку в «Критике чистого разума» эксплицировалась как раз идея свободы, стоит обратиться к последующим источникам, дабы найти другие основания практической философии Иммануила Канта. Как нам кажется, после «Критики чистого разума», стоит обратить внимание на следующее творение Канта, а именно на «Критику практического разума», где непосредственно разбираются основания морали. Закономерный переход к данному произведению Канта, можно обозначить как то, что Кант акцентирует внимание в ней на трансцендентальной свободе, нежели на практической и в полной мере посвящает все свои интеллектуальные силы на описание оснований практической философии.

Однако справедливым может оказаться замечание следующего рода, что в общем то до Критики практического разума у Канта имелось несколько произведений, а именно – «Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука» (1783 г.) и «Основоположения метафизики нравов» (1785 г.). Не стоит, как нам кажется, полностью игнорировать, эти работы, хотя может сперва показаться что именно так и следует поступить. Дело в том, что первая из указанных работ, не затрагивает исключительно проблематику «практической философии» Канта и представляет собой краткое изложение идей «Критики чистого разума», но в ней присутствуют некоторые важные моменты для понимания выше указанной проблематики. «Основоположения метафизики нравов» содержат в себе наработки Канта по этике, прослеживающиеся в предыдущих работах и изложение системы права, но как и в случае с «Прологоменами...», в ней также присутствуют важные аспекты. Далее будут рассмотрены лишь те идеи, которые нам кажутся наиболее важными для прояснения особенностей практической философии Иммануила Канта. «Прологомены ...» представляет собой по своей сути упрощенное изложение основных суждений, высказанных касательно возможности метафизики, своеобразным пособием для исследователей, тратящих усилия на её разработку и учителей её преподающих, на что указывает Кант в самом начале данного труда²¹. Хотя вероятно можно выделить специфическое разделение метафизики, приведенное Кантом, а именно деление на метафизику природы и метафизику нравственности. Первая занимается преимущественно знанием, связанным с опытом и законами природы. Вторая же, по словам Канта, «занимается исследованием чистой моральной философии», то есть независимыми от всякого эмпирического и случайного принципами и основоположениями нравственности²². Одним из таких принципов является идея свободы, уже упоминаемая мной в части работы, повествующей о «Критике чистого разума». Как раз-таки наиболее подробно так называемая «метафизика нравственности» была рассмотрена в двух упомянутых творениях Канта «Основоположения метафизики нравов» 1785 г. и «Критика практического разума».

Для начала, из «Основоположений...» нас прежде всего интересует понятие «доброй воли», как наиболее доброго и положительного в мире, как определяет ее характер Кант²³. Поскольку она наиболее доброе и положительное, вероятно можно предположить, что нечто, вероятно привходящее, придает воле статус или если угодно атрибут «доброй». То есть тут имеет место, как мы видим, своеобразное отделение именно доброй воли и соответственно

²¹ См.: Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 5 – 153; - с. 6

²² См.: Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 153 – 246; - с.117

²³ См.: Там же: с. 161

некого действия совершенного «по доброй воле» от иных действий, совершенных согласно прочими возможным видам «воли». В общем-то указанного вида поступки как раз-таки относят обычно к моральным. Но на каком основании мы отделяем обычные поступки от моральных? Ответ на указанный вопрос необходимо подразумевает также и ответ на следующий: «На каких принципах и основаниях строится моральность, характеризующая соответствующие поступки?»

Следуя мысли Канта, добрая воля суть добра потому как имеет конечную цель в осуществлении себя самой. Под осуществлением же воли Кант понимает «воление». То есть по сути при оценке моральности действия мы не можем сослаться ни на какие иные «предпосылки» (например, выгода, общественное осуждение), помимо свободного акта воли.

Такая «воля» уже затрагивалась нами ранее при оценке свободы в «Критике чистого разума». Очевидно, что тут Кант говорит о том, что некое лицо, совершающее действия, которые предполагается оценивать, как моральные или аморальные, должен полагать основание для своих поступков, ни в чём кроме как самого этого поступка.

Далее, стоит заметить, что «выгода», которая не может быть основанием или целью морального поступка, является чем-то персональным, не общезначимым. Но поскольку мораль регулирует отношения между индивидами в обществе, то она обладает или является в этом смысле универсальным, общезначимым. Но какая цель или внутреннее чувство было бы общезначимым для всех и не противоречило бы идее о том, что моральный поступок - это поступок свободной личности? Какими мотивами может руководствоваться человек, совершая некие действия, при этом сохраняя свободу, как полагал её Кант? Кант приводит в качестве такового понятие долга, но долг, как им же отмечается, «содержащий» понятие доброй воли. То есть, это важное замечание Кантом приводится прежде всего для того, чтобы указать на характер осуществляемого посредством долга действия. Здесь долг – это не долг перед каким-либо конкретным лицом (сюзереном или членом семьи и т.д.), долг в обыденном смысле. Поскольку долг содержит в себе «добрую волю», волю свободную, как мы выяснили, а значит имеющую статус общезначимой, можно заключить, что это долг перед «свободой воли» как таковой. А поскольку каждый человек, совершающий те или иные поступки обладает этой волей, это также есть и своего рода уважение к свободе другого.²⁴ Можно также предположить (и как я покажу далее, оказаться правым), что даже принимая во внимание привычное нам понимание «долга», как долженствования перед кем-то или чем-то, все-таки должно существовать какое-либо правило, в котором выражалось бы общее правило морали,

²⁴ См.: Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 153 – 246; - с.165

руководствуясь которым, поступки считались бы подлинно нравственными, то есть совершаемыми свободно.

Но опять-таки, правило предполагает необходимое его (правила) соблюдение. Вероятно, можно назвать подобную безоговорочную необходимость соблюдения своего рода «принуждением». В пользу этого предположения Кант высказывает следующее, что практически хорошее, то есть моральное, отлично от приятного. То есть приятное, как некое персональное, психологическое чувство, по определению не может иметь статуса всеобщего, то есть быть конечной целью морали. Хотя можно возразить, что все люди в той или иной степени испытывают некое общее чувство по отношению к тем или иным предметам. Но как раз-таки спонтанность выбора объекта этой общей чувственной способности и делает невозможным чувство приятного основанием для морали. Следовательно, мораль ни приятна, ни неприятна. Совсем иное чувство лежит в основании следования нравственному правилу. И таким чувством является ранее упомянутое чувство долга, как уважения к нравственному закону.

Я уже несколько раз использовал без дальнейшего прояснения в тексте такое словосочетание как «нравственный закон», и возникает резонный вопрос: а в чем состоит или выражается это высшее моральное предписание? И не является ли таким образом следование нравственному правилу противоречием в аргументации Канта? Ведь мораль, как мы выяснили основывается на свободе, что в свою очередь предполагает, что не может быть иного рода интенций, кроме интенции к свободе? Такое правило предоставляется Кантом и формулируется им следующим образом: *моральным является такое действие или такой поступок максима воли которого могла бы стать принципом всеобщего законодательства.*²⁵

Термином «максима» обозначаются некоторые наши субъективные принципы, которыми мы руководствуемся, совершая того или иного рода поступки. То есть примерами могут служить «стоит прощать обиды врагам», «всякому человеку следует возвращать долг» или «стоит всякому воздавать по заслугам». Но если попытаться представить каким могло бы быть кровавым и безжалостным человечество, живущее по принципу «око за око», полагаемое как максима для поступка, то навряд ли кто-либо в здравом уме захотел бы, чтобы такой миропорядок существовал или такой принцип лежал в основе каких-либо человеческих взаимоотношений. Подобные отношения неприемлемы в обществе разумных индивидов, для которых как раз-таки сохранение личностной свободы и нравственного облика человека является «самоценностью». Именно поэтому приведенная в пример максима не может являться общезначимой для всех, то есть в теории стать всеобщим законом.

²⁵ См.: Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 153 – 246; - с.195

Также стоит привести и разобрать следующее понятие, связанное с моралью, а именно понятие «императива». Как раз-таки указанное выше моральное правило и называется у Канта «категорическим императивом морали», то есть таким правилом, которое, как было указано, является общезначимым, следование которому обосновывается или имеет конечную цель в нем самом, согласно свободной воле, следующей и полагающей себя в основе данного правила. Также «Критике практического разума», Кантом отмечается, что императивы помимо категорических, могут быть гипотетическими, которые относятся или являются практическими предписаниями (например, если живешь по соседству с нечестным человеком – будь на чеку).

Помимо уже сказанного, стоит также отметить или вспомнить основное деление кантовской философии на теоретическую и практическую, уже затрагиваемую в той части этого исследования, где говорится о принципе свободы в «Критике чистого разума». Практическая философия по сути исследует принципы, которыми руководствуются свободные разумные индивиды в обществе. Для этих практических взаимоотношений у Канта имеется также категорический императив практического разума – поступай таким образом, чтобы относиться к человеку как к цели, а не как к средству. Именно эта идея и является основополагающим выражением уважения к свободе воли и также необходимо отсылает к принципу долженствования. И здесь вероятно мы уже совсем близко подошли к основной тематике нашей работы. Потому как все выше перечисленные аспекты практической философии, которая включает в себя этику и право, нуждаются по Канту в обосновании ради подтверждения их собственной сущности.

И этому посвящена по большей части «Критика практического разума», то есть как раз таки априорному обоснованию принципов морали и, как было указано, права. Но как можно обосновать принципы и положения практического разума? Ведь если бы у нас в практической философии учитывался чувственный опыт – как с этим обстоит дело в теоретической философии и в рассудочном познании, то мы бы могли вероятно привести некоторые связи между нашими априорными предпосылками и чувственным опытом. Но познание в случае практической философии сугубо априорно. Так как же выглядит обоснование практических принципов? Вообще-то говоря, мною уже были затронуты некоторые аспекты этого обоснования. Я обозначу их в тезисной форме:

- 1) Практические моральные установки не должны иметь никаких иных целей кроме себя самих.
- 2) Следование моральным правилам структурируется или имеет собственное основание в виде императива морали как высшего морального принципа

3) Императив морали общезначим и подразумевает подчинение нравственному закону.

4) Это подчинение строится на основе уважения к нравственному закону или морального долга.

5) Высшие моральные правила исходят из субъективных максим, способных претендовать на статус всеобщего законодательства.

6) Моральный закон, как отмечает Кант в «Критике практического разума», придает свободе статус объективной значимости²⁶. То есть, по сути, свобода являет себя через нравственность, в виде нравственных предписаний.

7) Воля же не имеет оснований во внешнем, эмпирическом и является сугубо личным произволением, ориентирующимся на всеобщее, то есть по Канту является автономной в отличии от гетерономной воли, суть которой в том, что воля вступает в зависимость с чем-то иным или принимает законодательство, не соотносящееся с природой разумного существа.

В качестве вывода и своеобразного перехода к последующим аспектам практической философии Канта, стоит указать следующее. Одно из центральных понятий всей философии Канта, является дедукция²⁷. Очевидно, Кант использует дедукцию несколько не так, как это происходит в логике. Для Канта дедукция - это поиск основания для того, чтобы доказать легитимность «существования» того или иного понятия. Соответственно, в «Критике чистого разума» имеет место так называемая дедукция категорий, то есть по сути обоснование правомерности введения данных категорий как структурных элементов рассудка или априорных синтетических суждений рассудка, выражаясь языком Канта. Возникает справедливый вопрос следующего рода: а) приводится ли Кантом дедукция понятия свободы? б) отличаются ли по своему принципу дедукция категорий и дедукция свободы (если она вообще показана у Канта).

Как будет показано далее, существует ряд мнений касательно данных вопросов, но нами, на основании вышесказанного могут быть сделаны некоторые выводы. Во-первых, дедукция того или иного понятия, структуры предполагает, что есть некое основание считать то или иное понятие правомерным. Это на наш взгляд не применимо к понятию свободы у Канта, по крайней мере та дедукция, которая осуществляется у Канта в «Критике чистого разума», в той её части, что посвящена обоснованию категорий рассудка. Более подробно это будет рассмотрено во второй главе данного исследования.

²⁶ См.: Кант И. Критика практического разума // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гульги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 373-479; - с. 407

²⁷ См.: Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. - С. 4

1.4 Основания практической философии в «Метафизике нравственности».

Стоит заметить, что свобода, как мы выяснили ранее, является областью практического разума и, таким образом не предполагает наличия внешнего принуждения свободного индивида. В самом деле, человек, определяющий собственные мотивы и цели, не являющиеся обусловленными природной склонностью к чему либо, может претендовать на статус морального или аморального. Но всё ли подпадающее под область практической философии действительно строится на этом принципе? Если мы обратим наше внимание на правовые отношения, где индивид подчиняется нормам права, например, установленным в том государстве, чьим гражданином он является, то можно в принципе усомниться в его принадлежности к практической философии. Ведь тут явно наличествует «принуждение»! И так, справедливо ли это сомнение?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вероятно обратиться к «Метафизике нравов» - сочинению, в котором Кантом как раз-таки приводится по мимо рассмотрения этических положений, исследование философии права и приводятся основные ее положения. При этом надлежит помнить, что ничего конкретного о связи и зависимости одного от другого (морали от права или права от морали) Кант не приводит и в связи с этим, положения из вышедших ранее произведений, справедливо могут рассматриваться в качестве источников для опоры на понимание того, каким образом Кантом проводилось соотнесение вышеуказанных направлений внутри практической философии. Не лишним будет указать также то, что в данном исследовании не будет рассмотрена та часть Метафизики нравов, которая посвящена этике, поскольку основания, затрагиваемые Кантом в произведениях, посвященных этике в данном исследовании разбирались подробно и в этом соответственно нет нужды. Наиболее существенным будет обратить внимание на то, как Кантом оправдывается существование права, исходя из положений его практической философии.

В «Метафизике нравственности» Кант начинает свое исследование с аналитики такой примечательной способности, как способность желания. Способность желания, как им показывается, это способность через собственные представления являться причиной предметов этих представлений.²⁸ К способностям желания относятся произволение, желание (или лучше пожелание), вожеление, интерес. Нас интересует в рамках данного исследования способность произволения, так как посредством нее выражается отношение чувственных способностей к моральным принципам и связана с сознанием способности совершать поступки, действия для создания объекта. Противоположной ей способностью является

²⁸ См.: Кант И. Метафизика нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.6. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 224-556; - с. 231

способность *пожелания*, суть которой описывается в «Антропологии с прагматической точки зрения» как желание объекта без применения усилий для его воссоздания²⁹. То есть в случае с произволением, способность желания направлена на достижения некоего результата, а значит может подразумеваться некая конечная, пусть и не материальная цель (да и вообще Кантом указывается, что произволение относится как к материальным, так и не к материальным целям). Способность произволения, в случае с практическим разумом, обуславливается или определяется как раз-таки волей, поскольку воля слепа и беспредметна ей нужно некое «выражение». И поскольку, как пишет Кант,: а) воля, определяющая произволение, суть практический разум; б) произволение, определенное практическим разумом, суть свободное произволение, - мы можем заключить, что способность произволения в рамках практического разума отделяет то, что относится к практическому разуму, от того, что относится к теоретическому. А законы практического разума, которым субъект следует согласно свободному произволению, чьё основание для следования находя исключительно в разуме, являются законами морали и права.

И так, мы определились, что свободное произволение является внутренним побуждением к следованию законам морали и права. Способность желания, что очевидно из выше сказанного, таким образом необходимо должна иметь предмет желания, то на что эта способность направлена. В связи с этим, Кант переходит к специфическому в его трактовке понятию цели. Как было уже показано, способность желания может иметь цель и не в чувственной сфере, но может являть собой произволение, основанной на склонности, свободной от чувства, как пишет Кант. Остаётся ли таким образом легитимным понятие цели, если мы будем использовать его при описании того, как происходит процесс желания в практической сфере работы разума?

Кант даёт следующий ответ. В сфере практической философии, целью способности желания, будет категорический императив практического разума, который являет собой формулировку основания практической философии Канта и выполняет функцию отделения морали от чувственной сферы и оценки моральности и легитимности того или иного поступка.

Но как мы ранее справедливо отмечали, что правовые предписания, как может показаться, не всегда подразумевают исполнение согласно внутренней свободе разумного субъекта. То есть, если упростить, правовые предписания, как ни странно, «предписываются» извне и субъект порой принимает их «как должное», порой, под страхом смерти или ради собственной безопасности и т.п. Также можно сказать, что вполне вероятно то, что целью желания субъекта может быть не «чистое» благое побуждение, а скажем, например, страх

²⁹ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.7. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 137-372; с. - 284

попасть за решётку или каким-либо иным образом понести ответственность за проступок. С такой постановкой вопроса, как правило, начинается критика или как раз-таки рассмотрение оснований Кантовской философии права. Руководствуются ли индивиды принципами свободы в случае правовых отношений или право несет в себе лишь характер безоговорочного принуждения? На эти вопросы можно ответить, если, как нам кажется, представляется возможным дать ответ на более фундаментальный и общий вопрос, а именно: на чем строится или в чем состоит обоснование права, как оно вообще возможно?

Главной отличительной чертой права, пожалуй, является то, что оно подразумевает внешнее законодательство, то есть основание для поступка может не иметься в самом поступке, как это обстоит с моралью, где, как нами указывалось, субъективные максимы обязаны приобрести статус всеобщего законодательства, чтобы быть моральным правилом.³⁰ Соответственно поступки, совершаемые с оглядкой на правовые предписания, будут отличаться от поступков, совершаемых на основании моральных правил. Первые - Кантом называются легальными, вторые - моральными³¹. Важно упомянуть здесь это различие прежде всего потому, что оно уже указывает на отличие права от морали и на то, что необходимо привести обоснование права, независимое от обоснования морали. И попытка привести это обоснование является одной из ключевых задач, решаемых Кантом в «Метафизике нравов».

Акцентирование внимания в предыдущих абзацах на понятии произволения, также важно в случае обращения к Кантовскому принципу права, который звучит как *«Прав (или правомерен) любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»*.³² Это позволяет нам утверждать, что всякий кто действует не согласно данному принципу права, поступает неправомерно (в источнике используется термин «прав», но на наш взгляд он может вызвать своего рода семантическую путаницу, поэтому было принято решение использовать термин «правомерен» в дальнейшем) и, как следствие, может быть привлечён к ответственности. Пока что, именно это «привлечение к ответственности» остаётся не прояснённым, поскольку не дан ответ на ранее поставленный вопрос о том, как в сфере практической философии, сфере свободы, предполагаемо ничему неподчиненной, появляется возможность внешнего принуждения?

Но помимо этого, Кантом также указывается на различие в типах свобод (насколько реально это различие, я поясню позже) в указанных областях практической философии. То есть в случае с моральными поступками мы выяснили, что человек, поскольку обладает

³⁰ См.: Кант И. Метафизика нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.6. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 242

³¹ См.: Там же - с. 235

³² См.: Там же - с. 246

свободой произволения поступает согласно морали, добровольно принуждает самого себя следовать моральным принципам, выстроенным на основе категорического императива морали. То есть, это значит, что человек по-прежнему сам для себя формулирует максимы, которыми он руководствуется. Но в случае с легальностью поступка это определяется посредством правовых постулатов, которые формируются внутри общества, государства. То есть, отдельное свободное разумное существо может и не ставить себе самоцелью следование правилу. Разумный индивид может быть даже принужденным этому правилу следовать так, что в таком специфическом случае долженствование будет задаваться не сами индивидом.

Но тут стоит, как мне кажется, помнить о другом важном моменте, а именно о категорическом императиве практического разума - поступай таким образом, чтобы относиться к человеку как к цели, а не как к средству. Это важно прежде всего потому, что с данным императивом соотносится и императив права, который звучит как *«Легальным является любой поступок, согласно максиме которого, «свобода произволения каждого совместима со свободой каждого» в соответствии со всеобщим законом»*.³³ Категорический императив практического разума здесь «присутствует» в части *«...свобода произволения каждого совместима со свободой каждого...»*. Тут, на мой взгляд и проясняется причастность права к практической философии вообще, так как практическая философия, как мы ранее указывали, разбирает принципы, по которым функционирует общество свободных индивидов, и, соответственно, принципы права являются частью этого функционала. Принуждение к поступку согласно «всеобщему правовому закону» является «приемлемым» принуждением с точки зрения Канта, как раз потому, что право в действительности регулирует отношения между свободными индивидами, индивидами, способными к произволению. То есть любого рода правовой закон сам по себе не является целью для возникающего среди индивидов, высказанным в предыдущем суждении, отношении. Правовой закон разумом полагается как «самоочевидное» для него, свободного разума, ограничение.

Тут может показаться что Кант как будто намеренно не предлагает никакого обоснования существования права. Но здесь стоит оговориться, что правовой закон по Канту и не действует как нечто, чему следовало бы искать обоснование. У Канта есть небольшой отрывок в «Метафизике нравов», под названием «Всеобщий принцип права», где он как раз таки указывает на это и, по всей видимости, правовой постулат для него это то, что неким образом возникает в связи с прагматическими целями, в рамках общества свободных индивидов, которым просто необходимо формальное ограничение. И природе нашего разума

³³ См.: Кант И. Метафизика нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.6. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 254

будет свойственно это ограничение, то есть мы всякий раз будем создавать всё новые и новые правовые законы, правовые системы.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об «оправдании» подчинения правовым постулатам, стоит упомянуть, что на субъект права распространяется также публичное или гражданское право, которое включает в себя государственное право, регулирующее законодательную власть. То есть Кант вероятно хочет сказать (и это кстати говоря прослеживается в его эссе «Что такое просвещение?»), что должны быть необходимо выстроены такие отношения между индивидами в обществе, чтобы законы формулировались согласно категорическому императиву практического разума.

И так, я хотел бы в качестве тезисов обозначить то, к чему в итоге привели все выше приведённые рассуждения касательно оснований практической философии Канта, а именно:

1) Для наиболее полного представления об основаниях практической философии права Канта стоит проследить весь «путь его мысли» от «Критики чистого разума и до непосредственно «Метафизики нравов». Это важно, поскольку Кантом на протяжении всех его работ, где так или иначе затрагивалась тематика практической философии, высказываются положения необходимые для понимания взглядов Канта на этику и право.

2) «Критика чистого разума» важна для исследования оснований практической философии прежде всего тем, что в ней впервые репрезентируется идея «свободы» и, что важно, показывается отношение её к остальным элементам системы трансцендентальной философии Канта. А именно, отделяется «свобода», как сфера морали от «природы», как сфера опыта. И, соответственно, показывается независимость морали от законов природы. Также показывается как внутри структуры разума, связываются теоретическая (в кантовском смысле) и практическая (тоже в кантовском смысле). Основным моментом, таким образом в «Критике чистого разума», было выделение свободы и связанных с ней постулатов, как деятельности нашего разума, направленного на формирование и следование идеям, вынесенных за сферу возможного опыта, но полагаемых как очевидно требующими следования.

3) Критика практического разума в контексте проблемы оснований важна потому, как в ней постулируется самодостаточность моральных установок, основоположение которых заключено в формулировке категорического императива морали. Императив морали предполагает следование данному императиву согласно принципу долга, то есть бескорыстному и само очевидному. Воля индивида, не подчиняющегося ничему кроме как этическим постулатам является автономной и характер данного принуждения несколько иной. Скорее оно представляет собой, как было указано, само собой разумеющуюся цель следовать нравственному правилу.

4) В «Метафизике нравов» актуализируется проблема принуждения в рамках практической деятельности нашего разума, обусловленного его свободной «природой». Было показано, что должны быть необходимо выстроены такие отношения между индивидами в обществе, дабы законы формулировались согласно категорическому императиву практического разума. И, тогда, природе нашего разума будет свойственно это ограничение, то есть мы всякий раз будем создавать всё новые и новые правовые законы, правовые системы.

Глава 2 Рецепции и критика оснований системы практической философии

Канта.

Предварительное замечание.

В предыдущей главе данного исследования были приведены основания практической философии Канта, которая несомненно повлияла на дальнейшее развитие этической и правовой мысли. Данная глава будет посвящена рецепции и критике оснований практической философии Канта в современной философии. В данной главе я не буду рассматривать указанное «воздействие» целиком, а остановлюсь на наиболее актуальных и обсуждаемых трактовках некоторых концептов кантовской практической философии. В вопросе выбора исследователей и соответственно текстов целесообразным, на наш взгляд, будет ограничиться областью этики и права,.

Также, будет сделан упор на критику и рецепции именно современных мыслителей, поскольку представляется любопытным само обращение к кантовской мысли в XXI веке. То есть, будут намеренно упущены рассмотрение некоторых важных этических и правовых концепций, которые имели место в истории философии. И данное намерение обусловлено тем, что тематика исследования предполагает не анализ этических и правовых концепций, которые существовали после Канта и на которые тот мог повлиять прямым или косвенным образом. Стоит выделить ряд факторов, которые стоит учитывать, преступая к критике или рецепциям идей Канта. Первый фактор можно сформулировать как то, что уровень развития наук, их облик (то есть то, какие науки имеют место и каков их предмет) кардинально отличаются от того, что мы имеем сегодня. Сам бы Кант вероятно не приветствовал подобных заимствований, поскольку полагал, что теоретические разработки необходимо должны соотноситься с тем состоянием наук, которое имеет место сейчас, что подтверждается изначальной формулировкой основных вопросов трансцендентальной философии Канта, которые звучат как «Как возможна чистая математика?», «Как возможно чистое метафизика?» «Как возможна чистая физика?».

Второй фактор, относимый скорее к рецепциям – готовы ли философы, заимствующие некоторые основания или положения из философии Канта принять те пресуппозиции или предпосылки, которые предшествуют разработке Кантом своих концепций. Например, готов ли философ согласиться с мыслью, что человек может быть представлен в двух ипостасях – как создание природы и как свободное существо? Или согласен ли такой философ с тем, что в нашем разуме существуют некие базовые структуры, которые мы можем с успехом вычленишь и исследовать?

Третий фактор, звучит как – стоит ли принимать все положения в системе Канта при заимствовании некоторых его концепций и будет ли легитимным принятие некоторых предпосылок? В первом случае, если философ принимает полностью основные базовые положения философии Канта будь, то деление на чувственность, рассудок и разум или концепт вещи в себе, разделение на ноумены и феномены, то проблем не обнаруживается. Но в случае если философ не соглашается с вышеуказанными концептами, ему необходимо показать правомерность заимствования кантовских концептов и по чему тот или иной элемент может быть заимствован у Канта. Через эти критерии, как нам кажется, было бы вполне продуктивно оценивать попытки современных мыслителей осуществлять рецепцию и критику кантовских идей.

Также отмечу, что анализ критики и рецепций в данной главе будет разделён на критику и рецепции в этике и в праве, а также опираясь на те работы, которые будут рассмотрены.

2.1 Рецепции Джона Ролза идей практической философии Иммануила Канта.

Кантовская этика, на первый взгляд, уже предполагает некую тотальность. То есть, кажется, что вряд ли можно как-либо подступиться к ней, из-за полагания Канта, касательно того, что им приводится разработка и обоснования оснований «всякой» будущей этической концепции, строящейся на них. Однако, такие попытки в истории современной философской мысли есть. Пожалуй, самым ярким примером таких рецепций практической философии, где автором заявляется непосредственное заимствование кантовских интенций или даже отдельных концептов, являются разработки в указанной сфере Джона Ролза (Роулза). В своем знаменитом труде «Теория справедливости»³⁴ им было неоднократно упомянуто имя Канта.

Джона Ролза нередко относят к аналитической философии³⁵, но в данном исследовании будет более верным говорить о нём скорее, как об одном из либеральных мыслителей. Действительно, для либерализма, понятие «свободы, исследования в области философии права и этики, являются чуть ли не самоценными. Это обусловлено давней традицией, заданной ещё классиками либерализма, среди которых зачастую выделяют и Канта.

В общем-то самим Ролзом заявляется изначально приверженность якобы кантианским настроениям. Ролз говорит о необходимости определиться с основаниями как политической философии, так и этики (нетрудно сделать вывод о том, что также Ролз полагает их

³⁴ См.: Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – 536 с.

³⁵ См.: Чалый В.А. Антропологические основания политической теории Джона Ролза//Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 38

связанными). Именно для этого он и разрабатывает собственную теорию «справедливости как честности». Также, на первый взгляд, Ролз согласен с Кантом в том, что в подобные отношения могут вступать лишь «свободные и равноправные рациональные люди».

Расхождение с теорией Канта, у Ролза начинается с описания концепта «интересов», которые по Ролзу делятся на тождественные и конфликтующие. И по Ролзу тождество интересов имеет место постольку, поскольку социальная кооперация (выгодное взаимоотношение между индивидами) очевидно делает жизнь лучше, чем если бы отдельный индивид добивался всего в одиночку. Если обратить внимание на ту часть, где описываются причины, почему возможны тождественные интересы то её вряд ли можно интерпретировать в деонтологическом ключе. Можно преподнести эту часть, этот аргумент как конвенцианистский, где следствием кооперации является «лучшая жизнь» или в качестве утилитаристского, где выбор между «одиночеством и «кооперацией» зависит от того, что первое приносит меньше выгоды или счастья, чем второе. Но это не выглядит как обоснование через некие принципы или основоположения.

Также в теории Ролза, немалую роль играют «благо» и «правильность», о которых Ролз пишет в указанной работе в главе «Благо как рациональность».³⁶ Ролз принимает понятие блага как основополагающее для своей «кантианской» этической теории, на основании анализа употребления и фигурирования блага как понятия в истории этической и политической мысли. В общем-то, это самое понятие блага или правильности (которые Ролз полагает связанными настолько, что в некоторых случаях их можно употреблять как синонимы) и лежит в основе теории Ролза. Однако также им ранее отмечалось, что индивиды будут руководствоваться в определении интересов на наиболее выгодное для себя состояние дел или на наиболее благоприятные последствия. Ролзом утверждается что в принципе возможность говорить об интересах как об тождественных или конфликтующих – как раз-таки обусловлено критериями, высказанными в предыдущем суждении. В доказательство этому, приведу ещё отрывок из главы «Благо как рациональность»: «Конфликт интересов существует, так как для людей небезразлично, распределение прироста выгоды от сотрудничества, в силу желания получить больше и отдать меньше».³⁷ То есть Ролз полагает в основе взаимоотношений некую природную склонность людей к наиболее комфортному и благоприятному для себя исходу в рамках кооперации, что противоречит, как нам кажется, его высказываниям о благе как основании для взаимоотношений. Если не быть столь радикальным, то можно утверждать, что Ролзом не показывается, как связаны использованные

³⁶ См.: Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. - с. 349

³⁷ См.: Там же: с. 350

им утилитаристские или консеквенциалистские основания его теории и его попытки вывести принципы, согласующиеся с деонтологической тематикой.

Есть и еще одно положение, которое может нас заинтересовать в разработках Ролза в рамках исследования рецептов кантовских оснований. Ролз существенную роль отводит так называемому «рациональному жизненному плану».³⁸ Заинтересовать он нас может тем, что представляет собой структуру, связывающую выделенные ранее конфликтующие и тождественные интересы. Примечательным является тот факт, что разделяются «рациональный» и «нерациональный» жизненные планы Ролзом на основании того, что «рациональный жизненный план» предполагает актуализацию благих природных задатков человека. То есть Ролз здесь напрямую апеллирует к аристотелевскому пониманию блага. Что занятно, с той точки зрения, что Кантом в свою очередь тоже предоставляется некое понимание блага, вписанное в его систему и непротиворечащую ей. Кант относит благо к чувственному. То есть, утверждая, что нечто есть «благо», мы имеем в виду, что это нечто есть благо постольку, поскольку мы испытываем чувство счастья (полного удовлетворения, довольства жизнью или сложившейся ситуацией). Кант говорит, что мораль дает представление о добре и зле, которое не исходит из чувственных переживаний.

Пожалуй, самый важный для данного исследования момент связан с тем, что Ролз полагал свою теорию, как кантианскую. То есть им утверждалось, что работа «Справедливость как честность» зиждется на тех тенденциях, которые задали в своё время Кант и Руссо.³⁹ Согласно мысли Ролза, эти тенденции связаны с вариантом договорной теории, которую Кант, по мысли Ролза, разработал. Дабы понять интерпретацию Канта, предложенную Ролзом, стоит принять во внимание такое понятие, как «рациональность». «Рациональность», по Ролзу, выражает принцип, согласно которому оцениваются средства, которыми руководствуются рациональные индивиды при выборе и сотрудничестве. Рациональность по Ролзу инструментальна, то есть возникает в обществе посредством тех практик, которые совершаются индивидами. В рамках решения основанного на принципе рациональности для индивида характерным является также принятие неких общественных норм. Также рациональность принимается Ролзом для оценки «жизненного плана», который будет соответствовать принципам рациональности, если:

- а) не противоречит вышеуказанным характеристикам рационального выбора;
- б) человек принимал решение на основании всей совокупности фактов и следствий.

Здесь можно привести контраргумент, указав на то, что вряд ли представляется возможным охватить всю совокупность фактов и следствий, поскольку мотивы конкретного индивида

³⁸ См.: Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – с. 352

могут содержать в себе не только рациональную подоплёку, но также строиться и на веровании, внезапном эмоциональном порыве. То есть рациональность, взятая в её инструментальном ключе у Ролза выглядит как более обоснованной, так и интуитивно понятной, чем рациональность, связанная с оценкой жизненного плана. Поскольку «второй» подвид рациональности как раз выступает как базовое основание, вряд ли таким образом данное основание может выглядеть релевантным с точки зрения обоснованности.

Следующая линия рассуждения Ролза, связана с рассмотренным нами ранее понятием свободы и категорическим императивом морали. Дело в том, что свобода Ролзом мыслится как совокупность базовых свобод⁴⁰, что в общем-то легитимно, если обращать внимание на то, что он является мыслителем либеральной традиции. Но это опять-таки не выступает обоснованием для вывода о том, что его концепция является кантианской, поскольку у Канта, как мы выяснили, понятие свободы имеет сложное значение, которое даже было бы трудно свести к одному из проявлений разума, как независимого от законов природы и причинной необходимости.

Но чем тогда продиктована необходимость индивидов выступать во взаимоотношениях как свободных и равноправных, рациональных существ по Ролзу? По Канту сам человеческий разум имеет свойство полагать собственную свободу и заключать о свободе других. Согласно Ролзу, необходимость основывается как на том, чтобы проявлять себя как свободное, равноправное и рациональное существо – это долг непосредственно каждого участника таких отношений. И помимо того, что это ещё и долг, это также следует осуществлять в силу поддержания благого жизненного плана по осуществлению максимума своих природных задатков, то есть самореализации. А это в свою очередь, как было отмечено, не относится к деонтологическому (то есть для тех этических систем, где оценка моральности или не моральности действия происходит исходя из соответствия этого действия неким фундаментальным принципам и правилам) «стилю» обоснования, а скорее к классической этике добродетели.

Помимо вышеуказанного, Ролзом даётся неоднозначная интерпретация категорического императива Канта. Заключается она в том, что тот вариант «общественного договора», который является в общем-то базовой концепцией многих либеральных мыслителей, включая Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббса, Дж. Локка, присутствовал в теории Канта. По мысли Ролза, Иммануил Кант «подразумевал» его в формулировке категорического императива морали, а именно в той части, где максима воли соотносится с максимой всеобщего законодательства⁴¹.

⁴⁰ См.: Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – с. 66

⁴¹ См.: Там же - с. 15

То есть фактически Ролз пытался соотнести или продемонстрировать связь между тем, как Кантом в рамках формулировки категорического императива морали якобы выражается концепция «общественного договора» и как ведут себя субъекты в ситуациях, происходящих согласно одному из концептов его собственной философской теории, а именно с гипотетической ситуацией принятия решения за занавесом неведения. «Занавес неведения» в теории Ролза – это гипотетическая ситуация, на которую должны ориентироваться конфликтующие стороны или лица, заинтересованные в достижении консенсуса по ряду вопросов. Ориентируясь на нее, предполагается принятие справедливого решения, где никто не останется в убытке. По мысли Ролза, справедливость как принцип должен быть основой для формулировки и оценки законов, институтов. И основные принципы для справедливости как раз формулируются в состоянии «занавеса неведения». Ролзом отмечается, что Кант, формулируя свои императивы, имеет ввиду как раз-таки такое своего рода «абстрагирование» от собственной выгоды и целей.

Однако, как мы ранее отмечали, Кант не утверждает, что у субъекта в момент оценки им морального действия отсутствуют цели. Цель диктуется ему его же собственной свободной природой, заставляя посредством долга прибегать к следованию моральному императиву. Цель всякого морального поступка – остаться моральным. То есть, как нами и было отмечено ранее, цель морального поступка, таким образом, по Канту, представляет собой следование категорическому императиву морали и практической философии для достижения подлинного нравственного идеала. Подлинный нравственный идеал – эта идея разума, к которой он (разум) приходит, отвлекаясь от данных чувственности, и, выйдя из области возможного опыта и впадая в диалектическую иллюзию, стремится в своём познании как раз-таки к идеям, которые имеют непознаваемый или ноуменальный характер. И стремление это – неотъемлемое свойство нашего разума. Таким образом, понимание Ролзом аспектов трансцендентальной философии Канта, во многом основывается на неверной интерпретации таких важных аспектов, как, например, «цель морального поступка».

Помимо понимания смысла категорического императива Канта, возникают трудности с понятием «справедливость». Также, как и в случае с понятием «свобода», понимание справедливости Канта, отличается от «справедливости» у Ролза. Согласно Канту, справедливость – это то, что распространяется в системе Канта исключительно на правовые отношения. То есть, им утверждается, что мы вправе «взывать к справедливости», когда наши права нарушаются. Мы используем понятие справедливости исходя из соображений «удобства». Нетрудно заметить, что ситуация со справедливостью напоминает ситуацию с понятием свободы. Только в данном случае понятие справедливости выступает у Канта только

лишь как инструментальное, а у Ролза это ещё и принцип, лежащий в основе наиболее предпочтительных, в смысле социального устройства, человеческих взаимоотношений.

Субъект, поступающий согласно морали, к справедливости не взывает. Также справедливость не является для него, по Канту, основополагающим принципом для формирования его поступков. У Ролза же, как мы указали, справедливость должна лежать в основе всех человеческих взаимоотношений.

Более того, Ролзом упускается «универсальность» кантовских положений. Их абсолютно некорректно рассматривать как нечто отдельное от основных целей Канта при разработке не только его философии права, но и остальных интересовавших его проблем. С этим по всей видимости солидарен Г. Хёффе, отмечая, что Ролз, последовательно «отрицает метафизику», то есть отрицает полагание существования феноменального и ноуменального, отрицает структурную, категориальную составляющую разума, полагая, таким образом категорический императив Канта в ином смысле⁴².

Подводя итог данному параграфу, мы можем вспомнить, что метафизика для Канта имеет важное значение, начиная с «Критики Чистого разума». Ведь именно данной тематике в основном посвящено кантовское исследование в «Критике чистого разума», а также в «Критике чистого разума» и «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, которая может возникнуть как наука». Для Ролза же, мыслителя, живущего в философскую эпоху, «прошедшую» через критику позитивизма XIX века, через раннюю аналитическую философию, по всей видимости посчитал проект Канта удачным настолько, что он позволит безошибочно использовать наиболее «удачные» идеи Канта при разработке собственной теории. Именно поэтому вольная трактовка категорического императива Канта, а также других концептов Ролзом в «свете собственной теории» нерелевантна.

2.2 Критика оснований этики И. Канта

Не менее примечательной и в тоже время похожей является ситуация с критикой оснований кантовской философии в рамках этики. Одним из ярких примеров является работа «Призрачное здание истинной морали Канта» П. Чичовачки.⁴³ Почему он «яркий» мною будет показано в ходе анализа его аргументации как демонстрации типичной критики Канта. В данной работе рассматривается этика Канта, через как раз-таки критику оснований практической философии. Автор выделяет три таких основания или «краеугольных камня» концепции Канта:

⁴² См.: Otfried H. Categorical principles of law : a counterpoint to modernity / H.Otfried. – translated by M.Miggoty. The Pennsylvania State University Press, 2002. pp.311 – с. 217

⁴³ См.: Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. Вып. №7. – М., 2006. – с. 127-147

а) моральное чувство и сознание обычного человека

б) формальную точность принципов морали, которая делает мораль схожей с математикой;

в) идеал – платоническая природа моральных норм.⁴⁴

Последний пункт вероятно может вызвать недоумение, поскольку приравнять кантовский идеал и идеал платонический, представляется мне необоснованным. Как бы не было странным даже спорить с данной позицией, всё же поспешу заметить, что у самого Канта, в Критике чистого разума есть ряд глав, где он последовательно и подробно демонстрирует, чем на концептуальном уровне его идеи, отличаются от идей Платона.

Всякий раз, рассматривая критику какой-либо концепции или работы, немаловажно учитывать позицию, исходя из которой автор подходит к критике. В данном случае автором заявляется в качестве основания для критики то, что:

а) кантовская система моральной философии напоминает в большей степени некую геометрическую систему, наполненную аксиомами и доказательствами;

б) поскольку кантовская система практической философии представляет собой геометрическую систему, она не соотносится со здравым смыслом, с обыденным опытом;

в) исходя из того, что Кант пытался формализовать центральные моральные понятия, он оказался недостаточно внимательным к различению моральных норм как своего рода «руководства к действию» и моральных норм, как принципов некой абстрактной этической теории;

г) и, автор делает общий вывод из выше сказанного, - «Кант построил более жесткую моральную систему, чем это было необходимо»⁴⁵. Итак подробно остановимся на этих тезисах.

Тезис (а) несёт в себе зерно здравого смысла, поскольку действительно Канту удалось создать систему философии, внутри которой существуют элементы, предполагающие некое обоснование или выведение из базовых положений иной системы. Как мы знаем, большинство научных систем базируются на аксиомах как на положениях, полагающихся как очевидные (данное положение тоже полагается в данном исследовании как очевидное). Поэтому данный упрек в сторону Канта не обоснован. Однако автором осуществляется попытка апелляции к обыденному опыту и здравому смыслу, что якобы именно системный, абстрактный характер кантовской этики и есть тот самый водораздел между ней и её соотносимостью с обыденным опытом, с «реальными» взаимоотношениями между людьми. Здесь автором приводится в

⁴⁴ См.: Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. Вып. №7. – М., 2006. – с. 129

⁴⁵ См.: Там же с. 129

пример известное высказывание Канта, вызвавшее резонанс, о мнимом праве на ложь. Проблема выглядит следующим образом, можно представить ситуацию, когда ваш друг, попросил вас укрыть его в вашем доме от злоумышленников. Когда же вы соглашаетесь, и злоумышленники спрашивают о вашем друге, вы обязаны, по Канту (или, стоит сказать, с точки зрения категорического императива морали Канта), сказать правду, то есть, что вы действительно укрываете друга. Это породило резонанс в интеллектуальной среде, о чём Кант сообщает в своём коротком эссе: «О мнимом праве лгать»⁴⁶. И именно этот факт позволяет П. Чичовачки утверждать, что никакой человек, обладающий интуитивным пониманием того, что есть добро, что есть зло, не будет сдавать друга, если он захочет поступить «хорошо» с точки зрения морали и по отношению к своему другу. И на первый взгляд, это выглядит вполне легитимно и очевидно. Действительно, вряд ли кто-либо будет сдавать собственных друзей и вряд ли найдётся тот, кто будет считать, что сдавать друзей хорошо.

Но тут и заключается проблема. Изначально мы исходили из весьма гипотетической и ничуть не менее абстрактной, по сравнению с этическими наработками Канта, ситуацией, где есть некий друг, некий злоумышленник, некое злодейство которое хочет совершить злоумышленник и т. д. Кант как раз таки говорит, что вряд ли мы можем как-либо соотнести ту абстрактную ситуацию, с тем, как это происходило бы в настоящем, здесь и сейчас. То есть, другими словами, не является оправданной критика кантовской «абстрактной» переполненной безжизненными конструкциями теория морали, на основании того, что она не соотносится с реальным положением вещей, обыденным опытом, при этом приводя гипотетическую ситуацию. Также не стоит забывать, что да, теория морали Канта строится на жестких принципах, что Кантом ставится во главу угла, ведь без этого, с его точки зрения, невозможно говорить об этике, имеющей хоть какое-то основание. Не стоит забывать и о поздних наработках Канта, например, об эссе «Что такое просвещение?»⁴⁷, где Кантом даётся его понимание идеального общества разумных индивидов и посредством чего такое общество может быть явлено. Эта модель общества, как и достижение морально-нравственного идеала, – суть продукт деятельности разума, того самого разума, который стремится осуществить, воплотить в настоящее эти идеалы. Но это, согласно Канту, невозможно, хотя и стремление к этому есть свойство нашего разума.

Если бы П. Чичовачки не упускал эту важную предпосылку при критическом рассмотрении теоретических построениях Канта, возможно он бы не допускал и следующего. Вообще является странным тот факт, что кантовские положения критикуются как неверные с

⁴⁶ См.: Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. Вып. №7. – М., 2006. – с. 129

⁴⁷ См.: Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Пер. Ц. Г. Арзаканьяна // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. – Т. 8. М.: Чоро, 1994. – с. 29-38

прагматической или утилитаристской точки зрения. Кант не был ни тем и не другим. Как мы выяснили ранее, этические изыскания Канта были нацелены на то, чтобы выявить базовые принципы, на которых как раз-таки строятся интенции человека в практическом отношении. Кант не был обязан создавать справочник всех возможных ситуаций, где возникал бы вопрос о моральности и не моральности поступка, чтобы не возникало вопросов о применимости его идей к «реальному положению вещей в мире». И даже несмотря на это, Кант все же даёт некие «рецепты», «руководства» к тому, как стоило бы выстраивать свои поступки для достижения наиболее подлинного морального облика. Поэтому заключительное основание для критики, которое напомним, звучит как: «Кант создал слишком жесткую теорию, чем это было нужно», является бессмысленным в силу того, что дотошность Канта в обосновании положений собственной теории, обусловлена самим характером системности его практической философии.

В качестве небольшого вывода, стоит заметить, что рецепции, критика вообще и указанный пример критики не являются исключительно провальными. В данных работах действительно есть легитимные суждения касательно практической, этической главным образом философии Канта. Например, в работе П. Чичовачки, в какой-то момент делается акцент на специфический контекст кантовских построений, то есть на то, почему вообще Кантом вдруг актуализировалась проблема долга как принципа, необходимости пересмотра и исследования этических оснований и т. д. И, хотя это не слишком повлияло на выводы касательно общего облика практической философии Канта, но это также не позволяет утверждать то, что Канта невозможно критиковать справедливо, обосновано.

2.3 Критика оснований практической философии Канта в философии права.

Помимо критики и рецепций оснований кантовской философии права в этике, так широко затронутой в предыдущих пунктах данной главы, стоит обратить также внимание на критику в области философии права. Это стоит осуществить, хотя бы потому, что само место и отношение к остальным разделам философии Канта весьма противоречиво. Во многом, даже сам Кант отмечает, что оставляет некоторые проблемы на решение последующих философов, которые будут заниматься той же проблематикой. Последующее повествование, даст нам понять, имел ли он ввиду философию права.

В свете затронутой проблемы понимания, трактовки концептов кантовской философии, необходимо рассмотреть любопытную дискуссию, которая имеет место в современном кантоведении, а именно об обосновании права, собственно той темы, которая рассматривалась в предыдущей главе. Напомним, что обоснование, по Канту, это поиск основания для существования того или иного понятия. То есть поиск того, какие принципы

лежат в основе тех или иных концептов. Обоснование права, как мы отмечали, строится на добровольном подчинении закону, таком «подчинении», которое не имеет ничего общего с зависимостью от желаний, субъективных переживаний. Данное подчинение на наш взгляд скорее говорит о том, что свободные индивиды, в рамках социального взаимоотношения, которые подразумевают, выражаясь языком Ролза, кооперацию и сотрудничество этих индивидов. Кант специально не акцентировал внимание на вопросе о «естественном» генезисе права, то есть на том, как общество пришло к тому, что появилась необходимость создавать и разрабатывать концепции и теории права. Кант, понимает правовой постулат как исключительно инструментальный – в смысле, как то, что существует постольку, поскольку нам удобно этим пользоваться. И как то, что возникает по той же причине. Нет никакой изначальной данности права, которая позволила бы рассматривать его как «сущность» или «субстанцию». По Канту правовой постулат, возникает в рамках взаимодействия свободных индивидов, чье основание, выраженное в императиве практических взаимоотношений, является, как мы выяснили, основанием и для философии права или правовых взаимоотношений. Эта позиция, как нам кажется, является вполне оправданной и подкрепленной тем, о чем говорилось в предыдущей главе, то есть она прямо соотносится с тем о чём писал Кант, а значит является наиболее точной интерпретацией его позиции. Однако в современном кантоведении существует ряд позиций касательно оснований и месте философии права в системе трансцендентальной философии Канта.

В виде тезисов, основные позиции выглядят так:

- 1) Философия права Канта является чем-то отдельным от оснований его практической философии;
- 2) Кантовская философия права существует ради осуществления целей, диктуемых этикой.

Первый тезис, одним из авторов и сторонников которого является Ю.Эббингаус, аргументирует данную позицию тем, что ссылается на внешнее принуждение, которое предполагается при следовании правовым нормам.⁴⁸ Такое принуждение, по мысли Эббингауза, не делает возможной принадлежность философии права Канта к системе трансцендентальной философии. Но Эббингаус указывает на как раз-таки такое принуждение, которое навязывает кому-либо некую этическую норму или некое обязательство совершить нечто. Таковую форму принуждения Кант категорически осуждал, называя её, патерналистской, худшей из возможных форм принуждения.

⁴⁸ См.: Аронсон Д.О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук / Д.О. Аронсон. – М., 2015. – 157 с. – с. 14

Однако же у самого Канта как мы указывали ранее, существует «момент оправдания» внешнего принуждения - его соотношение с автономией воли. Если кратко снова его представить, то выходит следующее – даже наличие принуждения следованию правовым нормам не нарушает принципа автономии воли, поскольку она суть часть практического разума, который есть свобода, что есть одно из двух возможных состояний человека, наряду с «подчинением законам природы». Таким образом, Эбингауз полагал в основе правовых отношений несколько не такой вид принуждения, который имел ввиду Кант.

Также, помимо позиции, указывающей на независимость Кантовской системы философии права от остальной философии Канта, существует позиция, указывающая на то, что кантовское право стремится реализовать некий моральный облик человека или быть ступенькой на пути к этому. Сторонники данного взгляда делают упор на то, что как в случае легальных поступков, так и в случае моральных мы наблюдаем следование долгу и поскольку основание данного следования одно, то конечная цель становится единой, а именно достижение наиболее совершенного морального облика человека.⁴⁹ Философия права, таким образом, выводится из положений, высказанных касательно разработки этической концепции Канта, полностью «подчиняясь» этике и её основаниям – категорическому императиву, понятию долга, автономии воли.

Во многом эта позиция сходится с кантовскими положениями, например, и в случае с этикой и с правом, остаётся общее основание для этих разделов практической философии, а именно – понятие свободы. Однако, главным недостатком данной позиции является не совсем аутентичная трактовка долга. Ведь, по Канту, моральный долг подразумевает следование моральному правилу как самоцель, а правовой долг не подразумевает того, что следование правовому постулату обязательно является самоцелью. Но эта позиция всё-таки выглядит «сильнее» позиции о независимости, если учитывать тот факт, что право и этика в рамках неё остаются связанными между собой. Следовать нормам права – это моральный долг каждого. Но и главное, что цель философии права, как указывал на это Кант – вечный мир, состояние свободных индивидов, где как раз-таки и возможно в наиболее сильной степени актуализация свободной сущности человека, каждого человека. Слабость данной позиции в том, что чувство долга — это внутреннее субъективное чувство. Мы не можем познать «свободный» разум других людей, он ноуменален для нас. Но мы, обладая тем не менее свободной природой и, полагаем эту свободную природу в других и устанавливаем для нашего общества свободных индивидов некое внешнее принуждение, которое как раз-таки и есть правовой закон. Таким

⁴⁹ См.: Аронсон Д.О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук / Д.О. Аронсон. – М., 2015. – 157 с. – с. 25

образом, основания права не выводятся из этики, но имеют общее в категорическом императиве практического разума.

Заключение

В качестве заключения, стоит сказать, что в рамках исследования был проведен анализ оснований «практической философии» Канта в трудах, начиная с «Критики чистого разума» и вплоть до «Метафизики нравственности», в рамках данного анализа были сделаны следующие выводы

1) В «Критике чистого разума», «свобода» отделяется, как сфера морали, от «природы», как сфера опыта. Полагается независимость морали от законов природы. Таким образом, свобода - это деятельность нашего разума, направленного на формирование и следование идеям, вынесенных за сферу возможного опыта, но полагаемых как очевидно требующими следования.

2) В Критика практического разума было продолжено решение проблемы оснований, заданное в «Критике практического разума» и она важна потому как постулирует самодостаточность моральных установок, основоположение которых заключено в формулировке категорического императива морали. Императив морали в свою очередь предполагает следование данному императиву согласно принципу долга, то есть бескорыстному и самоочевидному;

3) В «Критике практического разума» немаловажной является рассмотрение понятия «воли», как «воли» индивида, не подчиняющегося ни чему кроме как этическим постулатам и являющейся таким образом автономной. Было установлено, что характер принуждения моральному закону несколько иной. Скорее он представляет собой, как было указано, само собой разумеющуюся цель следовать нравственному правилу.

4) Была рассмотрена «Метафизика нравственности», проанализирована проблема принуждения в рамках практической деятельности нашего разума, обусловленного его свободной «природой». Был сделан вывод, что Кант полагает, что должны быть необходимо выстроены такие отношения между индивидами в обществе, дабы законы формулировались согласно категорическому императиву практического разума. И, тогда, природе нашего разума будет свойственно это ограничение, то есть мы всякий раз будем создавать всё новые и новые правовые законы, правовые системы.

Вышеуказанное исследование позволяет заключить, что представление об основаниях кантовской практической философии должно быть основано на анализе всех источников, где им тем или иным образом затрагивалась проблематика этики и права. Данный факт упускается из виду мыслителями современности, что приводит к противоречивым и неоднозначным интерпретациям или вовсе необоснованному заимствованию кантовских фундаментальных принципов.

Несостоятельной является попытка Джона Ролза заимствовать кантовские положения и вместе с тем утверждать, что им якобы осуществилось создание системы соответствующей кантианскому «духу». Было показано, что заимствование влечет за собой упущение колоссального концептуального пласта, стоящего за теми концептами, которые Ролзом были отобраны на основании их полезности. Данные концепты неким образом «привязаны» к системе Канта и вряд ли представляется возможность привести иное основание для рецепции, помимо тех, что можно подчерпнуть у Канта.

Также была рассмотрена в свете уже высказанного взгляда на возможность рецепции идей практической философии критика её оснований. На примере работ П. Чичовачки, Д. О. Аронсона, Ю. Эббингауса, было показано, что в рамках критики кантовских оснований практической философии, исследователи основывают свои замечания, не на вышеуказанном корпусе текстов, где Кантом была разработана проблематика этики и права, но лишь на некоторых из них, что влечёт за собой ошибки, связанные с пониманием сути кантовских положений.

Стоит принять во внимание тот факт, что во второй части исследования хотя и были рассмотрены важные следствия критики и рецепций кантовских идей, не была охвачена аргументация представителей многих других этико-правовых направлений. Поскольку далеко не все представители этики и «философии права» были рассмотрены, предполагается на основании выводов данного исследования, рассмотреть насколько применимы высказанные положения к другим этическим, правовым концепциям и теориям, что позволит в полной мере указать на обоснованность или необоснованность высказываемых в данной работе положений и аргументов.

Список использованных источников и литературы

1. Апресян Р.Г. Смысл морали в этике Давида Юма // Этическая мысль. Вып. №12. – М., 2012. – с. 72-104
2. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт ; под ред. В.М. Камнева, Ю.В. Перова и др., пер. с англ. А.Глухова – СПб.: Наука, 2011. – 303 с. – (сер. «Слово о сущем»);
3. Аронсон Д.О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук / Д.О. Аронсон. – М., 2015. – 157 с.
4. Аронсон Д.О. Свобода и принуждение: Кантовское обоснование понятия права // Вестник РГГУ. СЕРИЯ: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2014. – вып. 10 – С. 17-25.
5. Васильев В.В. Неуловимая свобода: Проблема оснований этической системы Канта // Философская этика и нравственное богословие. — издательство фонда "Христианская мысль", 2003. — С. 166–187.
6. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев – М. «Наследие». – 1998. С.160;
7. Каллиников Л.А. И. Кант о специфике морали и ее роли в системе нравов / Кантовский сборник. – 2009. – №2 (30) – с. 61 – 73;
8. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М.М. Бахтин) // Этическая мысль. Вып. №2. – М., 2001. – с. 3-27
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.7. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 137-372;
10. Кант И. Критика практического разума // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 373-479;
11. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. В 8-ми т.: под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, Пер. М. И. Левиной – Т. 5. М.: Чоро, 1994. – 414 с.
12. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского свер. и отред. Ц. Г. Арзаканьяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканьяна. – М.: Э. 2016. – 736 с. – (Антология мысли);
13. Кант И. Метафизика нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.6. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 224-556;
14. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, Пер. Ц. Г. Арзаканьяна – Т. 8. М.: Чоро, 1994. – с. 29-38
15. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Сочинения. В 8-ми т.: под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, Пер. Ц. Г. Арзаканьяна – Т. 8. М.: Чоро, 1994. – с. 256 – 262

16. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 5 – 153;
17. Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант Сочинения в 8-ми т. Т.4. : под общ. ред. Проф. А.В. Гулыги, пер. Н.М. Соколова – М.: Чоро. 1994. – с. 153 – 246;
18. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика, пер. с англ. С. Моисеева – М. Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010. – с. 592.;
19. Маскин К.А. Иммануил Кант о праве и возможности его познания / Юридический вестник Самарского университета. - 2016. – № 2 (Т.2) – с. 132 – 136;
20. Мясников А.Г. Проблема разграничения природной необходимости и моральной свободы в практической философии И. Канта / Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2010. № 15 (19). с. 7-13;
21. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз – Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – 536 с.;
22. Соловьев Э. Категорический императив нравственности и права / Э. Соловьев – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – с. 416;
23. Чалый В.А. Интерпретация категорического императива Джоном Роулзом в «Теории справедливости» / РАЦИО.ru. 2013. № 9. С. 150-159.
24. Чалый В.А. Антропологические основания политической теории Джона Ролза // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 35-41
25. Черняк Н.А. О кантовском различии морального и легального поступка / Вестн. Ом. ун-та. 2017. № 1. С. 81–83;
26. Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. Вып. №7. – М., 2006. – с. 127-147
27. Otfried H. Categorical principles of law : a counterpoint to modernity / H.Otfried. – translated by M.Miggoty. The Pennsylvania State University Press, 2002. pp.311
28. Rawls J. Lectures of the history of the moral philosophy / J.Rawls - Harvard University Press, 2000. pp. 377